

Землеустроительные проекты Оренбургского войскового казачьего самоуправления в 1917–1918 гг.

Т.К. Махрова

*Южно-Уральский государственный университет
Челябинск, Российская Федерация*

В статье рассматриваются проблемы решения земельного вопроса в России в период революционного противостояния 1917–1918 гг. Интерес представляют позиции всех групп населения с учетом их сословного, классового, национального состава, в том числе специфического военно-земледельческого сословия, имеющего и закрепленный за войском земельный фонд, и опыт самоуправления. Противоречивая позиция отражала стремление сохранить в своих интересах контроль над войсковой территорией и самостоятельно сформулировать актуальные в новых условиях принципы «трудового землепользования» при неопределенной в данный период окончательно общегосударственной позиции.

Ключевые слова: Оренбургское казачье войско, Войсковой круг, землепользование, войсковые земельные комиссии.

Для цитирования: Махрова Т.К. Землеустроительные проекты Оренбургского войскового казачьего самоуправления в 1917–1918 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.62–69.

В начале XX в. для Оренбургского казачьего войска (далее – ОКВ) земельный вопрос актуализировался не как количественный, а как вопрос сохранения под контролем закрепленного за войском земли, ее внутреннего перераспределения и эффективного использования (в первую очередь, традиционного сельскохозяйственного).

Имеющиеся данные о фактических размерах душевого надела оренбургского казака не отличаются единством критериев. Не преследуя цели выяснить степень реальной остроты земельного вопроса на территории ОКВ, укажем лишь на то, что обострение это современники и исследователи связывали с приростом населения, активным наделением войсковой землей офицеров и чиновников, ростом количества отводов под прииски и другие несельскохозяйственные нужды. По характеристике С.А. Девяткина, «1917 год нашел в этом районе [Оренбургской] губернии, во-первых, обеспеченное землей казачье население, во-вторых, совершенно безземельное крестьянство, вселившееся в станицы и поселки, в-третьих, крестьянские поселки, осевшие на офицерских участках на праве купли и аренды земли, в-четвертых, крупных и мелких частновладельцев казачьего и неказачьего сословия, и, наконец, войсковые запасные земли, земли монастырей, городов и других учреждений» [1, с.123].

В военное время и по мере возвращения казаков с фронта земельные противоречия воспринимались острее в связи со сложностями организации продовольственного дела и снабжения населения товарами первой необходимости. Уже в сентябре 1917 г. Чрезвычайный Войсковой круг принял решение передать «все дела продовольствия на казачьей территории от губернской продовольственной управы в руки войскового самоуправления... просить Временное правительство отпустить войску кредиты на продовольственное дело и сделать распоряжение промышленным комитетам об отпуске казачьему самоуправлению фабрикатов». Несколько месяцев спустя самовольный вывоз хлеба и продажа скота за пределы войска были запрещены. Были установлены твердые цены на хлеб, началось создание «дружеских артелей» взаимопомощи в обработке и уборке полей [4, л.67, 100 об.,101; 6, л.124–125].

Первые попытки сформулировать принципы новой внутривойсковой аграрной политики предпринял в апреле 1917 г. Первый Войсковой круг. Было признано необходимым отчуждение всех находящихся в границах войска офицерских участков (частично уже проданных), частновладельческих и монастырских земель в пользу казаков, занимающихся земледелием. Однако стремление вернуть попавшие в «чужие руки» войсковые земли лишь декларировалось, решение же вопроса откладывалось до созыва Всероссийского Учредительного собрания. Пока же Войсковой круг сформировал войсковую земельную комиссию и земельные управы на местах. Для сбора сведений о землепользовании газета «Оренбургский казачий вестник» с июля 1917 г. начала печатать подробную земельную анкету (около 130 вопросов), «чтобы всякая войсковая нужда и потребность в земельных отношениях была показана и принята во внимание» [8]. Первый Войсковой круг постановил принять меры к устранению дальнотерриториального и чересполосицы (традиционной проблемы казачьего общинного землепользования), для чего решил полевые земли для каждого казака отводить не раздроблено, а в одном месте. Желательной формой землепользования была признана «мелкообщинная», ведущая к кооперации труда в сельском хозяйстве. В земельных анкетах казаки предлагали свои варианты, например, выделение на хутора или продление срока передела земли до 50 лет [9]. Стремление не допустить частного владения землей сочеталось с желанием разрушить общинную форму землепользования. Первый Войсковой круг постановил выбор форм передать на усмотрение поселкам. В ходе обсуждения некоторые депутаты высказались против уравнивания в правах по землепользованию женщин с мужчинами, за что агроном К.Л. Каргин назвал их «деспотами», а Войсковой круг в итоге утвердил равные права на землю для обоих полов [4, л.36 об.].

В октябре 1917 г. конференция казаков Юго-Западного фронта обсудила принятые Войсковым кругом документы. В решениях конференции говорилось: «Все земли казачьего войска, леса, рыболовные воды и прочие угодья со всеми недрами как историческое достояние казачества, состав-

ляющее неотъемлемую и неприкосновенную собственность каждого данного казачьего войска, должно быть сохранено». Конференция одобрила требование возвращения войску частновладельческих земель, выделенных из войсковой территории высочайшими повелениями (офицерских, чиновничьих, помещичьих и др.). Казенные, удельные, кабинетные, монастырские, церковные земли, находящиеся на войсковых территориях, также должны быть возвращены в собственность казачьих войск на основе общего принципа отчуждения земель в пользу трудящихся масс. Крестьянские же земли, расположенные на территории казачьих войск, рекомендовано было оставить в распоряжении тех, кто их обрабатывал [10].

Незавершенность политических решений по крайне важному для большинства населения страны вопросу в условиях начинавшегося вооруженного противостояния непосредственно влияла на ситуацию в деревне. На местах казаки не дожидались Учредительного собрания и явочным порядком захватывали офицерские и частновладельческие участки. Слухи о непосильном налогообложении чуть не сорвали весенний сев. Комиссариат земледелия при Челябинском Совете крестьянских, рабочих, казачьих и армейских депутатов вынужден был даже опубликовать 16 мая 1918 г. в «Известиях» Совета воззвание: «Товарищи трудовые крестьяне, казаки и мусульмане! В деревне распространяются нелепые слухи о несообразных налогах, которыми будто бы хотят обложить народ... лишь бы нарушить спокойствие деревни, лишь бы вызвать в ней волнение... Народное волнение отзовется на посевах, вызвав недосев хлеба, а в результате голод, причиной которого окажется Советская власть и закон о социализации земли. Будьте тверды, товарищи, и спокойно смотрите вперед, ведь мы только организуемся, а организация нового строя – дело не легкое, а, главное, требующее продолжительного времени. Хозяйство народное у нас расстроено, никакого учета ему не велось, теперь приходится все учитывать и производить в стройную систему... Жизнью учимся мы и приближаемся к истине. Не верьте слухам и спокойно принимайтесь за посев» [7, л.71].

Много конфликтов возникало при проведении землеустроительных работ, разделе земли между поселками. Прошения и заявления по этому поводу поступали в адрес Войскового круга от жителей станиц Павловской, Травниковской, Нижнепавловской, Дедуровской и других. Осенью 1918 г. острые дебаты развернулись на заседании Троицкого уездного съезда Советов. Часть делегатов требовала немедленного исполнения приказа А.И. Дутова о том, что отобранные у кулачества и переданные беднякам земли должны быть возвращены обратно с посевом. После того как 48 из 72 делегатов в знак протеста покинули заседание, съезд не принял никакого решения и прекратил работу [12, л.16].

Земельная комиссия ОКВ вынуждена была признать немедленную реформу общевойсковой масштаба единственным выходом из создавшегося положения. Предложено было сначала провести тщательное обследо-

вание земель, но оно могло затянуться на десятилетия (подобное обследование, начавшееся в 1900 г., не было закончено и к 1914 г.). На своих заседаниях 21–26 сентября 1918 г. земельная комиссия Чрезвычайного Войскового круга ОКВ заслушала доклады Войскового правительства по аграрному вопросу, о работе почвенной экспедиции, об утверждении и штатах войсковой, окружных и станичных земельных комиссий, о возвращении в собственность войска доступа к меновому двору и земель, остающихся свободными вследствие сужения караванной и солевозной торговли, доклады по оброчному и землеустроительному отделам.

Комиссия предложила различие землепользователей скорее по классовому, чем по сословному признаку: «Земли, находящиеся в мелком крестьянском владении (купчие земли), требуют общегосударственного решения. Оставление наших земель за теми, кто их использует действительно личным трудом, является мерой справедливой, тем более что земля досталась им не даром и спекулятивного дохода с нее не извлекают... Все офицерские участки, монастырские и частновладельческие земли необходимо теперь же передать в войсковой земельный фонд, из которого казаки малоземельных станиц могли бы получить в аренду соответствующие местным земельным нормам участки на особо льготных условиях». Аренда на особо льготных условиях предполагалась для платежеспособных казаков. Земельная комиссия попыталась также преодолеть препятствия домохозяевам в выходе на хутор, предложив передавать частновладельческие земли станичным обществам не сплошным массивом, а сразу разбив их на хутора. Надеялись, что это даст возможность предприимчивым казакам сразу рационально вести хозяйство, которое будет показательным для остального населения. И лишь «в крайнем случае, в силу естественных условий» предполагалось возможным оставить эти земли для общинного землепользования или для прирезки станичным обществам, что могло отвечать интересам «малодостаточных» казаков [2, с.12–14].

29 сентября 1918 г. Чрезвычайный Войсковой круг ОКВ утвердил «Обязательное постановление №2 Войскового правительства от 22 августа 1918 года о праве и порядке пользования землею на 1918–1919 года на территории Оренбургского казачьего войска». Находящиеся на территории войска частновладельческие и монастырские земли безвозмездно отчуждались, поступали на учет станичных правлений и становились запасом для первоочередного наделения нуждающихся по установленной норме. Преимущество отдавалось «лицам, обрабатывающим землю личным трудом». Арендная плата за излишки земли сверх душевой нормы должна была поступать войску. По заявлению бывших частных владельцев или арендаторов земли в их распоряжении оставлялось необходимое (в пределах общевойсковой душевой нормы) для посева, покоса и других хозяйственных надобностей количество земли – «под страхом ответственности за неиспользование» оставленной земли по назначению. Такая же ответственность возлагалась на всех получивших от станичного правления

землю для обработки. Станичное правление наблюдало за установлением на этих землях правильного севооборота. Монастырям отводилось по 100 десятин казенной нормы. Без последующего наделения предполагалось отчуждать участки земли, принадлежавшие подданным воюющих с Россией держав неславянского происхождения, включая «болгар – не русских подданных». Если бывшие собственники земли были нетрудоспособны, не имели средств к существованию и не получали душевых наделов, им полагалось пособие из войсковых средств (для чего предполагалось учредить особый отдел призрения при Войсковом правительстве). Войсковой земельный фонд – вплоть до окончательного решения о землеустройстве – решено было использовать путем сдачи в аренду не более чем на три года, в первую очередь – казакам до пяти десятин «на наличные души мужского и женского пола по местным нормальным арендным ценам, установленным войсковым правительством», а из оставшегося фонда – разночинцам с торгов [5, л.2–2 об., 6–6 об.].

Наделение земель «иногородних» и разночинцев ставилось в зависимость от потенциальной возможности зачисления их в войсковое сословие. Для этого «Временное положение о самоуправлении войска» делило разночинцев на 5 категорий. Временно проживавшие в станицах без оседлости (1-я категория) не наделялись землей. Коренные разночинцы, имевшие оседлость в станицах (2-я категория) или проживавшие в станицах на правах аренды (3-я категория), наделялись землей по их ходатайству после принятия местным казачьим обществом в казачье сословие и утверждения Войсковым кругом. Проживавшие на собственных землях (4-я категория), если их размер был больше общевойсковой нормы, могли наделяться дополнительными участками только Войсковым кругом по отзыву станичных обществ в особом протоколе. В таком же порядке наделялись землей «иногородние», проживавшие на свободных войсковых землях на правах арендаторов (5-я категория). Решение о наделинии землей «иногородних» зависело и от отношения к большевикам: сочувствовавшие Советской власти могли лишиться земельного участка. Открытым остался вопрос об установлении порядка и размера взимания с разночинцев посаженной платы за земли казачьи, занятые усадьбами, гумнами и огородами [5, л.2–2 об.].

Обязанность разбирать споры, а также разрешать все другие вопросы, связанные с проведением земельной реформы, Войсковое правительство возлагало на местные земельные комиссии. 29 сентября 1918 г. Войсковой круг утвердил «Положение о земельных комиссиях в Оренбургском казачьем войске». Войсковые и окружные земельные комиссии создавались при Войсковом правительстве. Функции станичных земельных комиссий исполнялись станичными правлениями. В составе войсковой земельной комиссии – председатель (член Войскового правительства), начальники отделов Войскового правительства (агрономического, землеустроительного, оброчного, лесного, горного, статистического, юридического), представитель от почвенной экспедиции, три представителя от Войскового

круга (по одному от каждого округа), чиновник особых поручений при Войсковом правительстве и назначенный Войсковым правительством секретарь (докладчик, участвующий в работах с правом совещательного голоса). По желанию в заседаниях могли участвовать члены Войскового правительства и окружные атаманы с правом решающего голоса. С правом совещательного голоса на заседания комиссии могли приглашаться «сведущие лица». Войсковая земельная комиссия руководила и контролировала деятельность окружных комиссий, рассматривала жалобы с мест, разрабатывала инструкции, проекты и заключения по земельному вопросу. Аналогичную структуру и функции (по отношению к станичным комиссиям) имели окружные земельные комиссии. Их основной задачей становилось доведение до мест решений войсковой земельной комиссии и урегулирование споров и недоразумений между отдельными лицами и обществами, возникающих на почве пользования и владения землей (по принципу третейских судов – «примирительных камер»), а также «приостановление действий частных лиц, направленных к обесценению земельных и сельскохозяйственных имуществ», вплоть до изъятия в случае необходимости таких имуществ из распоряжения частных лиц. Первой инстанцией по разрешению земельных споров между частными лицами являлись станичные комиссии, их решения можно было обжаловать в окружной комиссии в недельный срок. Члены земельных комиссий должны были работать бесплатно, жалованье полагалось только секретарям (600–700 руб. в месяц) и машинисткам (380 руб. в месяц), представители Войскового круга в войсковой комиссии и окружного съезда в окружной комиссии обеспечивались суточными и прогонными деньгами. Для борьбы с захватами офицерских земель и самовольный распашкой войсковых оброчных земель предлагалось расширить штат смотрителей (с 9 до 40) «для окарауливания оброчных статей, рек, озер от самовольных хищнических пользований» [5, л.2–4, 7–9]. Особенно усилились такие захваты весной 1919 г., правительство Колчака вынуждено было даже временно признать захватчиков арендаторами [13, л.81].

Надеждам на Учредительное собрание не суждено было оправдаться. Принятый 14 февраля 1919 г. закон «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию» оставит бывшие войсковые земли в пользовании трудящихся, оседло проживающих на войсковых территориях, занимающихся сельским хозяйством лиц и общин по нормам и в порядке, указанном в законе [3]. До окончательного землеустройства войсковые запасные земли и бывшие частновладельческие, офицерские, церковные и прочие участки должны были поступить в ведение войсковых земельных комитетов для распределения между нуждающимися.

6 апреля 1919 г. заседавший в Троицке (с февраля по июль) Войсковой круг изменил резолюцию о земле в духе защиты «интересов трудового казачества»: «Все офицерские и частновладельческие, бывшие офицерские

участки и земли монастырские, отчужденные ранее на территории войска, взять на учет и считать входящими в общинную собственность казаков области войска Оренбургского». Бывших собственников решено было наделить из их же участков душевым наделом по «общеказачьей норме» 30 десятин. Большая часть проданных офицерами участков (200 тыс. дес.) попала в руки не крестьян, а скупщиков, иностранцев, промышленников, скотовладельцев. Казачество потребовало возвращения этих земель общине. Круг объявил о решении «уничтожить частное владение землей свыше установленной трудовой нормы». Вопрос об иностранных подданных должны были решить центральные органы власти [11, с.3, 321–324].

Сама постановка земельного вопроса в отношении казачьего населения предполагала принятие широкого круга решений – о статусе земельных владений казачьих войск, порядке землепользования, нормах земельного казачьего пая, судьбе офицерских и частновладельческих участков, претензиях на землю проживавших на войсковой территории лиц невойскового сословия («киногородных»). Однако за два года весьма активного для условий вооруженного противостояния внутривойскового законотворчества политика войсковой верхушки не получила четкого оформления. В крестьянской стране с воюющим населением четкая и последовательная землеустроительная политика приобретала особую актуальность. Решения же войскового представительства оренбургских казаков по земельному вопросу оказались временными, излишне дискуссионными, чтобы стать, например, лозунгом антибольшевистского сплочения, обещания – неопределенными, как и перспективы их быстрой и беспрепятственной реализации.

Источники и литература

1. *Девяткин С.А.* Землепользование // Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии / под ред. Л.Л. Ловырева. Оренбург: Оренполиграфпром, 1927. 267 с.
2. Доклад Войскового правительства Оренбургского казачьего войска 19 сентября чрезвычайному войсковому кругу. [Б.м.]: [Б.и.], 1918. 197 с.
3. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. 14 февраля.
4. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.1912. Оп.1. Д.7.
5. ОГАОО. Ф.1912. Оп.2. Д.102.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.596. Оп.1. Д.222.
7. ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.266.
8. Оренбургский казачий вестник. 1917. 12 июля.
9. Оренбургский казачий вестник. 1917. 1 октября.
10. Оренбургский казачий вестник. 1917. 28 октября.
11. Протоколы заседания 3-го очередного Войскового круга Оренбургского казачьего войска. Троицк: [Б.и.], 1919. 479 с.

12. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.106. Оп.3. Д.558.
13. РГВА. Ф.106. Оп.3. Д.613.

Land management projects of the Orenburg military
Cossack self-government in 1917–1918

T.K. Makhrova
South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation

The article deals with the problems of solving the land issue in Russia during the period of revolutionary confrontation in 1917–1918. Of interest are the positions of all groups of the population, taking into account their estate, class, national composition, including the specific military-agricultural estate, which has a land fund assigned to the army, and the experience of self-government. The contradictory position reflected the desire to maintain control over the military territory in their own interests and to independently formulate the principles of “labor land use” that were relevant in the new conditions, with an undetermined nationwide position at that time.

Keywords: Orenburg Cossack army, military circle, land use, military land commissions.

For citation: Makhrova T.K. Land management projects of the Orenburg military Cossack self-government in 1917–1918. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.62–69. (In Russian)

Информация об авторе:

Махрова Татьяна Кимовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, трудового права Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (Челябинск, Российская Федерация); e-mail: lotto@list.ru

Makhrova Tatyana Kimovna – Dr. Sci (history), Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, Labor Law, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russian Federation).